

Японское оружие и добровольцы в российской армии в первую мировую войну

К. О. Саркисов

Российско-японские отношения периода первой мировой войны ломают стереотип представлений о геополитическом противостоянии и враждебности двух стран. История свидетельствует об обратном. Отношения, сложившиеся к началу мировой войны, позволили перевести большую часть русских войск на Дальнем Востоке в Европу. Они помогли решить проблему острой нехватки оружия. Сотни японцев на российском Дальнем Востоке записывались добровольцами. Десятки реально воевали за Россию, некоторые были награждены российскими боевыми орденами, часть попала в германский плен, где с ними обращались особенно жестоко.

Ключевые слова: союзные отношения, нехватка оружия, японские добровольцы, ружье системы «Арисака», великий князь Георгий Михайлович, император Японии, германский кайзер.

Российско-японские отношения в период первой мировой войны необычны уже тем, что ломают привычный стереотип представлений об истории двусторонних отношениях как преимущественно враждебных. После русско-японской войны геополитические интересы двух стран неуклонно сближались и к середине 1914 года отношения двух стран были фактически союзническими, а 7 июля 1916 года были оформлены в виде союзного договора.

Мысль о союзе между Россией и Японией, как ни парадоксально, родилась во время войны между ними. В середине октября 1904 г., когда Порт-Артур был в осаде и до его падения оставалось чуть более двух месяцев, а на фронтах в Маньчжурии воцарился хрупкий баланс, одна из японских газет опубликовала статью под названием «Видный русский политик и идея русско-японского союза». Поводом послужило сообщение лондонской «Дейли Телеграф» из русской столицы о высказываниях одного из русских политиков высокого ранга в пользу скорейшего завершения войны.¹

Еще через три недели в той же газете появилась редакционная статья на ту же тему. Война постепенно истощит обе страны и не принесет им какой-либо пользы... двум странам нужно поскорее закончить войну и поскорее заключить друг с другом отношения партнерства. В Японии немало тех, кто думает точно так же, свидетельствовал русский политик².

---

¹ Иомиури симбун. 12.10.1904 (курсивом изложение документов и цитаты – К. С.).

² Иомиури симбун. 07.11.1904.

Можно только догадываться, о ком шла речь, но, скорее всего, этот человек был из окружения Витте или Коковцова.

Потом разговоры на эту тему прекратились и возобновились снова в начале мая следующего 1905 года. До Цусимы оставались недели, но в принципе вопрос об исходе войны был более или менее очевидным. Именно в эту пору в Лондоне и на Бейкер-стрит, и на Кинг-Чарльз-стрит (Форин Офис) стрелка стратегического барометра, показывавшего на врага Британской империи, поворачивается с отметки «Россия» на «Германию». Теперь Россия потенциальный союзник против растущей германской угрозы³.

Материальные и, особенно, психологические травмы русско-японской войны в России преодолевались с трудом. Первая двусторонняя конвенция 1907 года рождалась в борьбе со скептиками, теми, кто считал неизбежной новую войну с Японией. О союзе тогда еще никто и не помышлял. Эта идея обозначилась снова лишь в 1909 году. О возможном союзном соглашении между Россией и Японией заговорили берлинские газеты, на разные лады обсуждая новый геополитический расклад сил. Убийство Ито Хиробуми в Харбине 26 октября 1909 года вызвало к жизни слухи о том, что только что покинувший пост генерал-губернатора в Корее, но все еще самый влиятельный политик Японии ехал на встречу с министром финансов России Коковцовым для обсуждения вопроса о возможном союзе двух стран. «Таймс» вспоминала, что Ито принадлежала идея такого союза, когда в конце 1901 и в начале 1902 года, еще за годы до войны с Россией, он тщетно пытался предотвратить ее.⁴

Миссия у Ито была другой, но слухи не были безосновательными. Японский посол в России Мотоно, как-то разоткровенничавшись, признавался, что в ноябре 1909 года перед своим внезапным отъездом в Токио (навестить находившегося при смерти отца) он разговаривал с русским министром иностранных дел Извольским и тот впервые тогда озвучил идею о союзных отношениях. По приезде в Токио, где Мотоно задержался на целых три месяца, он убедился, что эта идея имеет сторонников в лице министра иностранных дел Комура, и самого премьер-министра Кацура⁵.

Через год о тайной подготовке русско-японского союза сообщали источники из Пекина, где накануне падения империи активно обсуждалась угроза расчленения китайской территории⁶. Новый всплеск настроений в пользу русско-японского союза пришелся на начало и середину 1912 года, когда существенные различия в подходах Англии и

---

³ Асахи симбун. 01.05.1905.

⁴ The Times. 27.10.1909.

⁵ «Новое Время». 29 (16).08.1916.

⁶ Асахи симбун. 04.08.1911.

Японии к китайской революции пробили заметную брешь в их союзных отношениях, а русско-японский союз стал некоторыми рассматриваться как его альтернатива⁷.

Масла в огонь добавил приезд в Россию в середине июля 1912 года ушедшего к тому времени в отставку Кацура. Визит человека такого ранга мог означать только одно – заключение союза, упорно твердили газеты⁸. И делали вывод, что месяцем ранее в Балтийском порту (4 июля 1912) года на встрече с Николаем II попытка Вильгельма II «помешать заключению японо-русского договора» оказалась тщетной⁹. О стремлении германского канцлера натравить вновь Россию на Японию свидетельствовал министр иностранных дел Сазонов, один из участников «встречи императоров» 4 июля 1912 года. В мемуарах он подробно передает разговор с германским канцлером, который после очередного обеда на яхте отвел его в сторону и полтора часа внушал ему, что союз с Китаем единственное спасение от Японии: *«Вам остается только одно – взять в руки создание военной силы Китая, чтобы сделать из него оплот против японского натиска. ...Если же Россия не возьмет этого дела в свои руки и не доведет его до конца, то за реорганизацию Китая примется Япония, и тогда Россия утратит раз и навсегда свои дальневосточные владения, а с ними вместе и доступ к Тихому океану»*¹⁰.

Но угроза российским владениям и самой России возникла не на Востоке, а на Западе. С началом первой мировой войны, особенно по мере того как России пришлось сосредоточить свои силы и ресурсы для войны в Европе, союз с Японией на Дальнем Востоке становится насущной задачей. Коренные перемены в общественной психологии в обеих странах и, особенно, в России, способствовали этому. *«Недавние подозрительность, осторожность, недоверчивость и известная сдержанность заменились явным доброжелательством, симпатиями и искренностью. ...сейчас настал момент естественного сближения нашей родины с Японией, открыто проявившей нам свои симпатии»*¹¹.

Японские газеты писали о мероприятиях в Петербурге, участники которых призывали к союзу двух стран. Одно из таких событий состоялось в Москве 3 сентября 1914 года. Банкет, устроенный популярным в те годы писателем, журналистом и путешественником Василием Ивановичем Немирович-Данченко (старший брат знаменитого режиссера), собрал московскую творческую интеллигенцию. Хозяин приема, сам, между прочим, участник русско-японской войны, пригласил к себе

---

⁷ Асахи симбун. 25.02. 1912; *John H. Morrow Jr. The Great War: An Imperial History.* London. 2004. P. 170.

⁸ «Русское слово». 21.07(08.07).1912.

⁹ Асахи симбун. 17.07. 1912.

¹⁰ *Сазонов С. Д.* Воспоминания. Минск. 2002. С. 49.

¹¹ «Новое Время». 02.03(17.02).1915.

энтузиастов союза с Японией. В конце приема воодушевленные участники его хором спели гимны Англии, Франции и России, что не составило труда, учитывая характер публики. Другое дело японский гимн. Компенсируя незнание слов и мелодии «Кимигаё», все как один повернулись к Востоку и прокричали «банзай!»¹²

Мысль о союзе активно поддерживается японскими военными. Собственный корреспондент русской газеты писал из Дайрена: «Квантунский генерал-губернатор Фукусима, в беседе с вашим корреспондентом 20 августа [2 сентября], высказался о необходимости заключения самого тесного союза между Россией и Японией... В отношении борьбы между Россией и Германией везде единодушно высказывается пожелание победы храброму русскому солдату. Нынешний момент в отношениях России и Японии на Дальнем Востоке можно считать историческим»¹³.

Через несколько дней тот же источник из Ляояна (провинция Ляонин, Китай) сообщал о просьбе группы японских военных опубликовать их мнение, что *«ни один японец не имеет что-то против России, а минувшая война была обоюдной ошибкой и в настоящее время в японской военной среде наблюдается самое искреннее желание заключить тесный союз с Россией»*¹⁴.

Перспектива русско-японского военного союза не на шутку тревожила немцев. В ноябре 1914 года в лондонском Сити премьер-министр Англии Артур Бальфур неожиданно поведал о том, как японский император дал *«решительный ответ на самое безрассудное письмо, которое один монарх когда-либо писал другому»*. Он не назвал имени этого монарха. Но русская газета «Речь» раскрыла «тайну». Им, естественно, был германский кайзер¹⁵.

Позднее «Новое Время» со ссылкой на датскую газету «Politiken» писало о том же. Вильгельм II готов пойти на любые уступки Японии, если она объявит войну России. Германские дипломаты полагали, что «Япония согласится на сепаратный мир, если Германия гарантирует ей ценные приобретения». «Японский император не только категорически отверг предложение Вильгельма II, но в своем ответе подчеркнул, что тот день, когда падет на Дальнем Востоке последняя опора германской культуры, будет светлейшим в истории Японии. Далее микадо указал, что Вильгельм II, нарушивший нейтралитет Бельгии, гарантированный самой Пруссией, жестоко ошибся, предположив, что Япония способна на такое же преступление»¹⁶.

23 августа Япония объявила войну Германии. Накануне взятия японцами Циндао в русской газете появилось интервью с генерал-лейтенан-

---

¹² Асахи симбун. 05.09.1914.

¹³ «Новое Время». 09.09(27.08). 1914.

¹⁴ «Новое Время». 13.09. (31.08.) 1914.

¹⁵ New York Times. 28.11.1914.

¹⁶ «Новое Время». 04.12(21.11).1914.

том Акияма Ёсифуру (известный японский военный деятель, организатор японской кавалерии, старший брат Акияма Санэюки, начальника штаба японского флота в русско-японскую войну): *«Японская армия и японские офицеры с уважением относятся к русскому солдату и русским офицерам, храбрость и мужество которых японцы оценили. В свою очередь и японский народ так же относится и к русскому народу. Правительства обеих держав сделали уже многое для урегулирования взаимных отношений. Нужно, чтобы сознание в необходимости и пользы тесного союза укоренилось и среди русской армии и в русском обществе. Тогда явится искренность и самый союз станет возможным»*¹⁷.

Под шапкой «Япония хочет союза с Россией» «Нью-Йорк Таймс» опубликовала интервью представителя Японии при Ставке главнокомандующего российской армии генерала Оба. После аудиенции у Николая II он признавался в своем горячем желании, чтобы отношения между двумя странами были преобразованы в формальный союз. *«Это было бы встречено с радостью японским правительством и народом Японии,»* – уверял генерал¹⁸.

В новогоднем обзоре политических событий за минувший 1914 год «Новое Время» подводило итог дискуссиям о союзе. *Он фактически уже действует, резюмировала газета и приводила в пользу этого убедительный довод: «Россия, благодаря прочности своих отношений с Японией, получила возможность перевести свои дальневосточные силы в Европу, не опасаясь за свои азиатские границы. Практически, наши отношения с Японией равносильны формальному оборонительному союзу»*.¹⁹

В ходе войны этот союз становился все более предметным. Русские косвенно внесли свой вклад в победу Японии в операции по захвату германской крепости Циндао. Когда 27 августа японский флот завершил морскую блокаду бухты Цзяо-Чжоу, костяк флота составили трофейные корабли времен русско-японской войны, построенные на верфях русской столицы (Балтийский завод, Адмиралтейские верфи, верфь на Галерном острове) – пять броненосцев российского флота времен русско-японской войны: броненосцы «Суо» («Победа») – флагман эскадры, «Танго» («Полтава»), «Ивами» («Орел») и броненосцы береговой охраны «Окиносима» («Апраксин») и «Мисима» («Сенявин»).²⁰ В феврале 1916 году в японских газетах появилось сообщение о предстоящем возвращении России трех из них: «Суо», «Танго» и «Мисима», а также

---

¹⁷ «Новое Время». 12.10(29.09). 1914.

¹⁸ New York Times. 15.10.1914.

¹⁹ «Новое Время». 14.01(01.01).1915.

²⁰ Исаков И. С. Операция японцев против Циндао в 1914 г. М–Л. 1941. С. 128, 129.

крейсера «Хидзэн» («Ретвизан»)²¹. Но передача по причине русской революции так и не состоялась, и в 1918 году эти корабли появились на рейде Владивостока.

Победа Японии в Циндао вызвала в России, если не восторг, то глубокое удовлетворение. С чувством *отмщенной обиды за обман* оценивала «Новое Время» победу японцев. *Германия получила по заслугам. Своим захватом под «ничтожным предложением» Циндао и Шаньдунского полуострова в 1897 году она спровоцировала Россию на захват Порт-Артура и Ляодунского полуострова, чтобы отвлечь ее внимание и ресурсы с Балкан и Ближнего Востока. Ввергнув в авантюру на Дальнем Востоке, она поссорила Россию с Японией и Китаем, натравила на нее Англию и США, писала газета, и заключала: «Все это теперь вспоминается как кошмар, от которого мы, наконец, пришли в себя. И вот... приходит известие о падении Циндао. Волшебный круг, в который мы были вовлечены ловкой игрой германской дипломатии (нельзя не отдать ей справедливости в этом отношении!) и в котором мы путались так долго и так печально, окончательно распался. И невольно просится мысль, что это начало конца Германии. Судьба неумолима, но она справедлива и воздает «каждому по делам его»²².*

В Петербурге все мысли были заняты сообщениями с европейских фронтов, но на Дальнем Востоке, близком к театру только что триумфально закончившейся войны против Германии, событие воспринималось иначе. В Хабаровске по инициативе местной японской колонии было устроено вечернее шествие с сотнями горящих факелов и японских фонариков, подобно тому как это происходило в подобных случаях в Токио. После марша по улице Муравьева-Амурского манифестанты подошли к зданию генерал-губернаторства Приамурской области, где их приветствовал его хозяин. Гондатти поздравил японцев с победой в Циндао, поблагодарил их за жертвования в российский Красный Крест и в конце провозгласил «ура» русскому государю, японскому императору и союзным войскам и народам. Речь *«вызвала взрыв восторга»* у демонстрантов. Были исполнены гимны двух стран. Отсюда вместе с присоединившимися к японцам русскими манифестанты прошествовали к Успенскому собору. От имени русской православной церкви их приветствовал протоиерей собора. Он говорил о *«единение двух великих порубежных народов на восточной окраине»* России. Затем все вновь двинулись по главной улице с пением «Боже Царя храни!» мимо дома командующего войсками края и канцелярии генерал-губернаторства. Описывая это в подробностях, «Новое Время» заканчивало репортаж многозначительной фразой: *«Толпы китайцев наблюдали величественную картину»²³.*

²¹ Асахи симбун. 21.02.1916.

²² «Новое Время», 8.11(26.10).1914.

²³ «Новое Время», 13.11(31.10).1914.

Между тем в Европе пожар мирового конфликта только разгорался и с каждым днем становилось очевидным, что Россия не была готова к войне такого масштаба. Возможные сценарии военных действий против стран Тройственного союза строились в расчете на молниеносную победу через несколько недель или месяцев. Однако реальные объемы фронтовых операций, длительность позиционного противостояния во времена «окопной войны», интенсивность боев, боеспособность и натиск противника опрокинули все предположения. Предвоенное планирование в этом смысле оказалось провальным, но среди многих тягостных проблем одна была наиболее болезненной – оружие и боеприпасы. Их нехватка очень быстро дала о себе знать. Военные успехи сменялись жестокими поражениями. Формирование свежих соединений, которыми затыкали возникающие «дыры» на фронтах, открытие новых фронтов по мере расширения географии военных действий требовали оснащения войск оружием и обмундированием.

Рынок оружия и боеприпасов, где можно было бы их приобрести, теоретически было три – Англия, США и Япония. Англия воевала и, как выяснилось, сама испытывала нехватку боевой техники. Командующий английскими войсками во Франции жаловался на отсутствие снарядов и необходимость вести бои без поддержки артиллерии. К тому же риск встречи с немецкими подводными лодками и густой сетью мин еще более усложнял задачу. Вдобавок Архангельск, через который ввозились товары, осенью-зимой замерзал, и период навигации был коротким. Те же проблемы были с поставками из США.

Япония в этом отношении была более привлекательной. Морской путь до Владивостока к этому моменту был уже очищен от кораблей адмирала Максимилиана фон Шпее. Путь по Сибирской железной дороге был практически безопасным, несмотря на слухи о возможных германских диверсиях. Поэтому спустя всего две недели после начала войны, в середине августа, российские оружейники обратились к японскому военному атташе в Петербурге с заказом на 800 тыс. снарядов, 1500 тонн пороха и 800 тыс. запалов общей стоимостью в 10 млн. руб.²⁴ А еще через несколько дней российская закупочная комиссия во главе с генерал-майором Гермониусом отправилась в дальний путь по Сибирской железной дороге в японскую столицу.

Один из ключевых членов делегации, «творец и создатель первого в мире автомата» Владимир Григорьевич Федоров вспоминал: «Сердечность японцев произвела на нас большое впечатление. Надо отметить: чем ближе мы узнавали народ Японии, тем все больше убеждались, что, несмотря на недавнюю войну, к нам, русским, относятся очень доброжелатель-

---

²⁴ Нихон гайко бунё (Документы внешней политики Японии), 1914 г., 3-й том, дело 12 «Поставки Японией оружия и товаров военного назначения». МИД Японии, Токио, 1966. С. 680.

но». И добавлял: «Но только народ. Другое дело – правительство...»²⁵. Позже все же признавал: «...*Нам отпускалось довольно большое количество – триста тысяч! – винтовок системы Арисака образца 1897 года, и притом по очень низкой цене. Но на каждую винтовку японское министерство давало не более ста патронов. При этом нас предупредили, что патроны будут старые и часть из них придется собирать даже из гарнизонов Кореи. Все это значительно сокращало действительные размеры оказываемой помощи*»²⁶.

Ружье Арисака 1905 г.²⁷

Проблему нехватки патронов пытался решить министр иностранных дел России Сазонов. В самом начале июля 1915 года на встрече с японским послом Мотоно в здании российского МИД у Певчего моста на углу Дворцовой площади и Мойки, выражая благодарность за поставку 400 тыс. ружей (с конца 1914 года их количество увеличилось еще на 100 тыс.), он просил прислать как можно больше патронов. *Россия постарается снабдить японские заводы необходимым сырьем для их производства. Кроме того, Россия готова авансировать закупки этого сырья везде, где это возможно, говорил русский министр и делал новые заказы. Есть крайняя нужда в снарядах для орудий тяжелой и полевой артиллерии, поступивших на вооружение русской армии из Японии. Ранее Россия просила о поставках 80 тыс. снарядов ежемесячно в течение полугода. Просьба увеличить их производство до 100 тыс. в месяц. Хотелось бы получить 20 батарей скорострельной артиллерии или 120 орудий 1898 года производства и достаточного количества снарядов к ним. К уже заказанной в Японии партии ручных гранат хотелось бы приобрести значительно большее их количество за счет увеличения производства на японских заводах. Условия их поставок – на усмотрение японского правительства. К обещанным недавно 100 тыс. ружей пожелание о поставках еще 200 тыс. ружей того же типа*²⁸.

Впечатление Федорова о том, что японское правительство сознательно препятствовало продаже России оружие объяснялось простой причиной – чтобы удовлетворить просьбу Петербурга о продаже необходимого российской армии количества ружей (с российской стороны называлась цифра в 1 млн.), пришлось бы использовать стратегические запасы собственной армии. Военное министерство резко возражало против этого, а

²⁵ Федоров В. Г. В поисках оружия. Москва, 1964. С. 31

²⁶ Федоров В. Г. В поисках оружия. Москва, 1964. С. 44.

²⁷ http://www.militaryfactory.com/smallarms/detail.asp?smallarms_id=

²⁸ Нихон гайко бунсё ..., 1915 г., 3-й том(2-й раздел), дело 8. «О поставках Японией оружия и товаров военного предназначения). МИД Японии. Токио, 1968. С. 1024.

правительство не могло заставить его согласиться. Был лишь один путь – волевое решение самого императора, как это бывало всегда при конфликтах внутри исполнительной власти по стратегическим вопросам.

В этот момент в игру вступает Лондон. Опасаясь, что хроническая нехватка вооружений у России помогут Вильгельму II реализовать свой план – вывести ее из игры и сосредоточиться на Западном фронте, Англия прибегает к крайнему средству – авторитету своего короля. Георг V приглашает в Виндзорский дворец на обед японского посла в Англии с супругой и после трапезы внушает Иноуэ, что причина неудач русских – это, прежде всего, дефицит оружия и боеприпасов, и просит сделать все от него зависящее, чтобы вопрос об их поставках России был решен положительно.²⁹ Не ограничиваясь этим, он направляет личное послание японскому императору: *«Вашему Величеству, без сомнения, хорошо известно, что Россия в настоящее время испытывает острую нужду в ружьях, в количестве достаточном, чтобы вооружить большое число готовых к отправке на фронт войск, и очень важно, чтобы эта потребность была удовлетворена в возможно короткий срок. Единственно, кто может поставить сразу необходимое количество ружей – это страна Вашего Величества. Я искренне верю, что правительство Вашего Величества сделает все, что в его силах, чтобы отправить все, что оно может выделить»*³⁰.

Передавая это письмо премьер-министру Окума посол Англии Грин особо подчеркивал, что *Георг V обращается не только как монарх страны – союзницы Японии. Его и императора России связывают узы близкого родства. Они – кузены, а русская императрица и супруга английского короля – кузины. Письмо написано под влиянием глубоких родственных чувств. Учитывая этот деликатный момент, большая просьба сохранять все в строгой тайне. О нем должны знать только Вы и я,* говорил Грин. *О нем ничего не известно даже русскому послу, хотя он получил инструкцию поддерживать с ним тесную связь, активно поддерживая его просьбы о поставках оружия»*³¹.

Японское правительство уже занимается этим вопросом и постарается сделать все, что от него зависит, отвечал Окума. *Но его возможности крайне ограничены. Он вынужден выдать военную тайну: общий запас ружей в Японии составлял около 1 млн. штук. Из них странам Антанты передано уже более 600 тыс. – из них свыше 400 тысяч России, остальные Англии и Франции. В запасе осталось чуть больше 300 тыс. Отдать это – значит подвергнуть риску обороноспособность собственной страны. Пусть у Японии нет на горизонте явного военного противника, но поддерживать боеспособность армии*

---

²⁹ Там же. С. 1044.

³⁰ Там же. С. 1056.

³¹ Там же. С. 1057.

– это безусловный долг (следует отметить, что к этому моменту только миновал кризис в отношениях с Китаем в связи с выдвиганием ему «21-го требования», когда война с соседом была вполне реальна и была предотвращена лишь усилиями гэнро). *Существующие арсеналы производят около 200 тыс. ружей в год*, – продолжал Окума. *Чтобы удовлетворить потребности России, есть только один выход – расширить масштабы производства и привлечь к нему частные компании. Но все это требует времени, и хотя уже многое делается, к сожалеению, выполнить просьбу России о безотлагательной поставке большого числа ружей невозможно*³².

На встрече с русским послом Малевским-Малевицем в тот же день 19 августа 1915 года Окума убеждал, что вопрос о том, какое количество ружей можно будет взять со складов будет решаться в зависимости от мощностей вновь строящихся заводов, которые должны восполнить эти запасы. Как один из вариантов он предложил рассмотреть вопрос об отправке на европейский фронт винтовок, состоящих на вооружении российских войск, дислоцированных на Дальнем Востоке, с условием, что их функции по защите российских интересов могли бы взять на себя японские войска. России очень симпатизирует японский император, а его приказ войска выполняют беспрекословно, заверял Окума³³.

Обещание поставлять японское оружие в «максимально возможных пределах» был получено в январе 1916 года в ходе визита в Японию великого князя Георгия Михайловича. Тогда же в ходе секретных контактов единственного невоенного в делегации начальника Дальневосточного отдела российского МИД Козакова (правая рука Сазонова в японских и китайских делах) с генерал-губернатором Кореи, следующим премьер-министром Японии Тэраути Масатакэ и министром иностранных дел Исии Кикудзиро был в принципе решен и вопрос о союзном договоре.

В обеих столицах отрицали, что перед миссией стояла какая-либо иная задача кроме церемониальной. «Визит не преследует никаких целей, связанных с войной. Его цель – поздравить императора Ёсихито и императрицу Садако с официальным вступлением на престол», заверял русский посол Малевский-Малевиц³⁴. Великий князь должен был вручить им подарки и высшие российские награды, императору – рубиновую вазу с бриллиантами, орден и знак Святого апостола Андрея Первозданного, а императрице – рубиновую шкатулку с бриллиантами, орден и знак Святой Екатерины. Однако уровень и атмосфера приема великого князя в Японии не оставляло ни капли сомнения в том, что две страны находятся в самых тесных политических отношениях. «Беспрецедентным»

---

³² Там же. С. 1050.

³³ Там же. С. 1051.

³⁴ Асахи симбун, 31.12. 1915.

называло прием великого князя в Японии агентство «Рейтер» из Токио³⁵. Когда 12 января 1916 года в 9 часов 45 минут утра курьерский поезд из Кобэ (сюда российскую делегацию из Пусана доставил императорский крейсер «Касима» в сопровождении крейсера «Сикисима» и двух эминцев эскорта) подошел к платформе 5-го пути токийского вокзала великого князя встречал сам император со свитой из трех принцев императорской семьи – Фусими, Канъин и Куни. Здесь же было все правительство во главе с премьер-министром Окума и высшее военное начальство³⁶.

Япония сдержала свое обещание о поставках оружия. Об этом свидетельствуют данные документальных источников. В одном из них говорилось: «Теперь Северный фронт вооружен японскими винтовками и нашими трехлинейными, Западный – только трехлинейными, Юго-Западный – австрийскими и трехлинейными; все германские ружья и берданки переданы в тыловые части... Когда Северный фронт получит все японские винтовки, переданные ему еще не окончательно, он будет вооружен вполне». И позже о патронах: «На путях петроградского железнодорожного узла находятся 22,000,000 японских патронов; между Петроградом и Вологдой идут сейчас 11,800,000; в это общее количество вошли 20,000,000, уступленных нам японским правительством, и 13,800,000, сданных японской фабрикой в счет общего заказа в 84,000,000»³⁷.

В августе 1916 года побывавший на одном из русских фронтов французский наблюдатель делился впечатлениями: «Меня удивило большое число русских солдат, одетых с головы до ног в одежду, сделанную в Японии. На них были не только кители и брюки, но и гетры японского пошива. На их плечах японские ружья, в патронташах патроны, изготовленные в Японии. Кожаные ремни и пряжки из Японии. Подбитые гвоздями ладные сапоги сделаны в Японии из кожи, выделанной в Корее. Так что там на фронте вы можете увидеть русского солдата, одетого в японскую форму, в японских сапогах, с японской винтовкой, японскими патронами и в японской экипировке»³⁸.

Одной из столь же поразительных и незнакомых страниц двусторонних отношений является участие японских добровольцев в сражениях русской армии на фронтах первой мировой войны. Спустя месяц после начала войны 8 сентября 1914 года Сазонов получил от русского посла в Токио сообщение о его встрече с японским премьер-министром. Окума предлагал обсудить вопрос о создании «вспомогательного» японского корпуса в составе российской армии на германском фронте. Речь шла о добровольцах.

---

³⁵ Times. 10.01.1916.

³⁶ Асахи симбун, 13.01.1916.

³⁷ Лемке М. К. 250 дней в царской ставке. 1916. Минск, 2003. С. 142, 178, 352.

³⁸ New York Times. 17.07.1916.

«Во время моего ответного визита Премьеру, он заговорил со мною о поступающих к нему многочисленных просьбах резервистов, желающих принять участие в составе вспомогательного японского корпуса на Восточном Фронте. Я ответил Графу Окума, что в России узнают с удовлетворением об этом сочувственном отношении к нашей армии и движении среди японских военных, и что обстоятельства могут впоследствии выяснить, в какой мере подобные пожелания осуществимы. Сегодня меня посетил бывший военный агент в России Генерал Мурата и предложил свои услуги»³⁹.

В январе 1915 Малевский-Малевич вновь запрашивает свой МИД. «В посольство продолжают поступать прошения отдельных частных лиц японцев, желающих идти в наши войска добровольцами... Всего таких прошений поступило около 30-ти, преимущественно из провинции от запасных нижних чинов и ремесленников. ...Посольство было бы весьма признательно за указания, что отвечать этим лицам, выступающим совершенно самостоятельно и независимо...»⁴⁰.

По сравнению с сентябрем прошлого года, когда Окума сам завел разговор с русским послом, сейчас, судя по всему, энтузиазм у официального Токио несколько остыл. В середине февраля военный министр Ока обратился со специальным обращением к военным, призывая их *помнить о своем долге, не поддаваться минутным настроениям и не бросаться очертя голову в водоворот европейской войны*. Поэтому когда из Харбина с его большим смешанным японо-русским населением представители движения за формирование батальона добровольцев (около 1 тыс. человек) направлялись в Токио, газеты считали, что им вряд ли удастся получить на это разрешение. *Этот энтузиазм некоторые считают сумасбродством. Добровольцами, записываются те, кто не знает реальной ситуации в России и в российской армии. К тому же, если и наберется тысяча-другая, то это все равно капля в море. Проблема российской армии не в том, что не хватает живой силы – вместе с резервистами она насчитывает около 10 млн. человек, из которых только 10 процентов наиболее опытных находятся на передовых. Остальные проходят обучение и ждут своей очереди, чтобы заменить погибших, раненых и измотанных. Воевать в армии, не зная языка и обычаев страны, это значит, что с передовой, скорее всего, тебя переведут на вторую, третью линии обороны и здесь будут использовать на подсобных работах*⁴¹.

Несмотря на эти здравые, на первый взгляд, рассуждения и увещевания, число желающих воевать за Россию не уменьшалось. В Амурской и Приамурской областях, в северной Маньчжурии число японцев, по-

³⁹ РГАМФ (Российский Государственный Архив Военно-Морского Флота). Фонд 418, опись 1, дело 4529. Л. 5.

⁴⁰ РГАВМФ, дело 418, опись 1, дело 4531. Л. 2.

⁴¹ Асахи симбун, 21. 03.1915.

давших заявления, достигло 459⁴². А в русской печати со ссылкой на газету из Порт-Артура сообщалось о полутора тысячах желающих⁴³.

В феврале 1915 года японский журналист из Владивостока сообщал о проводках на русско-германский фронт некоего Дэгути Кисабуро, уроженца Киото. В 1913 году он переселился во Владивосток, где обосновался в районе железнодорожной станции «Первая Речка» и открыл портняжную мастерскую. В Японии он числился в резерве, и когда началась война, подал российским властям прошение о зачислении его добровольцем в русскую армию. 7 февраля на вокзале шумная компания соотечественников, знакомых и друзей провожала его в Читу на сборный пункт. Позже еще двое последовали его примеру, и вскоре пришли сведения, что их на сборном пункте в Чите зачислили в 15-й стрелковый полк⁴⁴.

В Чанчуне желающих было так много, что начальник русского полицейского управления вынужден был обратиться к своему японскому коллеге за помощью в составлении на японском языке правил набора добровольцев. *Он нанес визит в японское полицейское управление, где в беседе с японским начальством не скрывал своего восхищения и благодарности в отношении энтузиазма японцев, писали газеты*⁴⁵.

Опровергая свои собственные пессимистические замечания относительно использования японских добровольцев на вторых ролях, корреспондент «Асахи» из Петербурга сообщал о награждении Георгиевским крестом за героизм, проявленный в боях в Восточной Пруссии, студента Токийского императорского университета по фамилии Хаяси⁴⁶. О нем же упоминала российская провинциальная газета из Вильно⁴⁷.

Жизнь в российской армии описывал в письме своим друзьям упоминавшийся Дэгути Кисабуро. В Чите он получил предписание на фронт в Польшу. После краткого любования Варшавой с сетованиями на дороговизну товаров, Дэгути через трое суток тряски в вагоне оказался в расположении армейского корпуса, обозначение которого по цензурным соображениям было дано в виде сплошных нулей. Здесь он встретился со своими соотечественниками. Некий «капитан Хасэбэ», начальник «японского штаба» угостил его обедом и одновременно ознакомил с ситуацией на фронте. Капитан рассказал ему, что в корпусе 11 японских офицеров и 20 нижних чинов – все артиллеристы, а линия фронта проходит всего в 400 метрах.

В корпусе он получил новый приказ – был зачислен в состав 246-го полка. На место назначения он прибыл спустя еще четверо суток езды

---

⁴² Асахи симбун, 18.02.1915 .

⁴³ «Новое Время», 01.03.1915 .

⁴⁴ Асахи симбун, 18.02.1915.

⁴⁵ Асахи симбун, 08.03.1915.

⁴⁶ Асахи симбун, 29.05.1915.

⁴⁷ «Новое Время», 28.05. 1915.

на поезде в сторону Венгрии через поля сражений, откуда «доносился запах недавно пролитой крови». В войсках противника – большинство немцы, немного австрийцев. Артиллерийская подготовка перед атакой противника – 20 выстрелов в минуту. Поначалу от этого гремело в голове. Было не по себе, а пушки врага не прекращали стрелять даже после того, как в атаку поднималась его пехота. Пули свистели над головой, но странным образом в него не попадали. Правда, одного из его товарищей убило во время одной из таких атак. Уже 18 раз шел он со всеми в бой, несколько раз – в разведку. И каждый раз удачно. Выручал его талисман – фотографии родных и их письма, с которыми он не расставался ни на минуту. Враг, кажется, готовится к крупному наступлению. Что его ждет, он не знает, но уверен, что не уронит честь японца, в этом он дал себе клятву⁴⁸.

А 2 августа появилось сообщение, правда, не подтвержденное, о гибели одного из тех трех японцев из Владивостока, которые были зачислены в 15-й стрелковый полк. В январе 1916 года – новое сообщение о гибели двух японцев в боях на Кавказском фронте. Здесь в рядах русской армии сражались оставшиеся в живых двое из Владивостока и еще семь других японцев⁴⁹.

*Японские добровольцы в русской армии
(Асахи: 1915.08.09)*

О прямом участии японцев в боях свидетельствовали описания жестокого отношения к ним немцев в случае попадания в плен. Сообщалось об одном, которому в отместку отрезали кончики ушей и отправили в назидание соотечественникам назад в Россию⁵⁰.

Храбростью в войне отличались не только добровольцы. Член японской миссии при Ставке Верховного Главнокомандующего генерал-майор Накасима Масатакэ шел в бой вместе с русскими солдатами. «Японский и черногорский военные представители, оба генералы, только что вернувшиеся с фронта, по словам сопровождавшего их графа Замойского, ходили в атаку вместе с нашими войсками и вообще держали себя очень храбро, за что и получили по Владимиру на шею»⁵¹.

⁴⁸ Асахи симбун, 27.07.1915.

⁴⁹ Асахи симбун, 26.01.1916.

⁵⁰ Асахи симбун, 09.08.1915.

⁵¹ Лемке М. К. 250 дней в царской ставке 1914–1915. Минск, 2003.